

РЕАЛЬНЫЙ МИР

С той поры, как у меня появился разум, я знаю, что мир — это ирреальный спектакль, который ставится с единственной целью, чтобы я в него поверил. Передо мной всё время идут поспешные приготовления, чтобы те места, которые мне вздумается посетить, были к этому готовы. Когда я направляюсь к моей бабушке Исабель, а её дом находится в двухстах метрах от нашего, я чувствую, как эта суматоха катится по улице, и когда я подхожу к углу и огибаю его, моему взгляду предстаёт привычная панорама: Панчита пересчитывает картофелины, Гуакара отвязывает свою измождённую кобылу, Кука развешивает простыни за узкой щелью приоткрытой двери, а немного дальше (повидимому, совсем случайно) какие-то люди таинственно выходят из домов или заходят в них, кто их знает зачем. То же самое происходит на любой улице в любом посёлке, в любом месте.

Только животные и горы не меняют своей внешности. Они такие, какие они есть. Глубокая река полна рыбёшек, она зажата между двумя возвышенностями, которые змеятся на протяжении многих километров, украшенные пучками зелёных волос. Высокая причёска каждого берега — это гора, ну а я — любознательная букашка, которой не хочется идти по тропинкам, и вот она пробирается по лесной чаще, где вытянулся удав, где бегают толстобрюхие ящерицы. Я иду там, где птиц нельзя увидеть, но можно только услышать. Одна из них говорит «тирекаратити», и другая — «кокориоко». Течение задевает ветки, на которых сидят осы-наездники. Когда мимо проплывает лодка, они набрасываются на неё; но когда мимо прохожу я, они смотрят на меня совершенно спокойно. Впрочем, иногда они сопровождают меня, летят рядом с моей головой и подают мне знаки приветствия. Я не люблю их тревожить, да и они меня тоже.

Затем я ухожу к водяному глазу, туда, где лежит широкий белый камень, на четверть погружённый в воду, я сажусь на него и соскальзываю к струе, бьющей с глубины. Поток очень силен: он уходит от берега, и кажется, что это плещется рыба стая, но если встать на камень, рядом с бурунами, то станет видно, что это вибрируют прозрачные воды. В первый раз мне было страшно в него окунуться, ведь я только начал учиться плавать, поддерживаемый двумя людьми, но я ухватился за край камня и стал съезжать по нему в воду, пока не почувствовал, что меня поддерживает сила течения. Вот так умора, я и не знал, что умею плавать, здесь можно лежать на воде, будто река утратила в этом месте своё коварство. Я не знал, что у реки имелся глаз, и тем более, что он был такой формы.

Иногда, подобно кресту, глядящему в небо, я становлюсь зрачком этого водяного глаза, и тогда я вижу, как наверху, на самой наивысшей высоте, шелудивые ауры пролетают сквозь облака. Эти птицы ярко сияют издалека, но вблизи их уродливые головы внушают отвращение. Говорят, что они приносят пользу, поедая падаль, и всё же никто их не любит за уродство и зловещую славу. Однако никто и не летает лучше, чем эта

мерзость, точно воздух создан специально для неё. Они всё время поднимаются и опускаются, и могут часами парить, не шевельнув крылом, словно танцуют в пустоте. Поэтому иногда хочется быть ауром, хотя бы люди тебя и отвергли.

Облака — это ещё одна история, хотя они тоже не приводят людей к согласию. Перикин видит корабль там, где Ченту видит кролика, и всё это там, где Минго видит женщину, широко расставившую ноги. Я стараюсь увидеть то, о чём они говорят, а сам вижу морского рака на пиратском флаге. Облака относятся к самому удивительному. Загадка облаков — в том, откуда они приходят и куда уходят, что они видели и что попробовали на вкус. Почему эти воды, которые столько раз поднимались и падали, всю свою жизнь должны оставаться теми же самыми? Облако, которое опорожнилось над рекой вблизи нашего посёлка, наверняка заправлялось над Амазонией, и готические соборы, которые солнце вытягивает из моего пупа, прольются дождём на египетские пирамиды. Я верю, что облака могут принимать всевозможные формы, потому что им нравится вести счёт новым диковинкам, однако сколько на них не смотри, никогда не узнаешь столько же, сколько знают они сами, и это даже невозможно себе представить.

На тот случай, когда мне приходится идти в школу (а это одна из самых ужасных вещей в обязательном мире) или когда наступает вечер и мне не разрешают выходить одному, у меня есть свой способ возвращаться в реальный мир. Мне даже не нужно закрывать глаза, я просто замираю и ухожу, навешая его в своих мыслях. Иногда это оказывается более увлекательным, чем отправиться туда пешком, ведь тогда мне хватает смелости сделать то, чего я смертельно боюсь. Например, переплыть излучину Пасо дель Солдадо. Это могут делать только взрослые; здесь река разливается на всю ширину, и говорят, что её глубины хватит, чтобы скрыть королевскую пальму. Я знаю, что однажды сделаю это во плоти, но пока что я тренируюсь в голове. Единственная проблема заключается в том, что когда я плыву брассом, на середине пути я могу увидеть речное ложе, на котором всегда лежат запутавшиеся в тине утопленники, и они улыбнутся и позовут меня. В другой раз я замечаю чешуйчатый хребет морской змеи, к которому чуть было не прикоснулся.

Сегодня мы уезжаем в Гавану, потому что мой отец нашёл там работу. Я спросил моего дядю Анхелито, а он разговаривает со мной больше других, какая она, Гавана? Думаю, что она мне не особенно понравится. Говорят, она как наш посёлок, только в десять раз больше. Стало быть, я увижу десять Панчит, пересчитывающих картофель, десять Гуакар, и у каждого по худой кобыле, десять Кук, развешивающих выстиранное бельё, и весь прочий театр, тоже в десятикратном количестве. Обязательная жизнь будет в десять раз изощрённее, и в десять раз увеличится толпа, бегающая из стороны в сторону с шушуканьем: «поторапливайтесь, он уже идёт», когда я подхожу к углу и огибаю его, чтобы увидеть то, на что стало в десять раз утомительнее смотреть. Единственное, что меня привлекает, — это море, о котором мне рассказали. Говорят, что оно в десять раз больше реки, и что у него не видно противоположного берега. Не могу понять как, но если это правда, то реальный мир Гаваны должен как-то соотноситься с этим морем. Сколько в этом мире ос и рыб?.. И вот я спрашиваю себя, кто назовёт мне имена птиц, где находится дворик с гранатовым деревом, и можно ли увидеть в нём Мириту. Понятно, что я ничего этого не знаю. Я не могу даже вообразить, сколько известий принесут облака, каких размеров будет водяной глаз в такой огромной реке, и

сколько утопленников и змей захотят нагнать на меня страх, когда я решусь нанести морю визит не в своей голове, а наяву.

Перевёл с испанского

Андрей Щетников